



DOI 10.22363/2312-9220-2017-22-4-567-574

УДК 821.161.1

ЖАНРОВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ «ПЛАЧА О ПЛЕНЕНИИ И О КОНЕЧНОМ РАЗОРЕНИИ ПРЕВЫСОКОГО И ПРЕСВЕТЛЕЙШЕГО МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА»

В.В. Ильичева

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

В статье на эмпирическом материале риторического речевого акта неизвестного автора XVII в. анализируется композиционное построение и выявляются жанровые признаки торжественной речи. Исследование показало, что особенностью данного литературного памятника состоит в сочетании двух жанров торжественного красноречия — похвалы и плача в одном ораторском произведении, написанном в виде религиозно-нравственного поучения. В «Плаче» проявляется новое явление в истории религиозной мысли — автор не только описывает события Смутного времени, но стремится представить осмысление причин разорения России и пути спасения государства.

Ключевые слова: торжественное красноречие, композиционное построение, жанровые признаки, ораторское произведение, плач, похвала

ВВЕДЕНИЕ

Торжественное красноречие в России имеет многовековые риторические традиции, которые трансформировались в процессе развития древнерусской системы церковных жанров. Практика устного публичного выступления на Руси не получила широкого распространения, поэтому древнерусские поучения, повести, жития, грамоты остались прежде всего письменными памятниками культуры.

Если рассматривать торжественную речь как словесный текст, произнесенный или написанный в высоком стиле, выражающий национально-культурные традиции, имеющий консолидирующий характер и обращенный к определенной аудитории (адресату), то задачей исследования является выявление признаков торжественного красноречия в памятнике литературы «Плач о пленении и о конечном разорении Московского государства» (далее «Плач»), написанного в период Смутного времени (1610—1612 гг.), называемого историками «Семибоярщиной».

«Плач» написан неизвестным автором. По предположению С.Ф. Платонова, он был создан осенью 1612 г. в одном из провинциальных городов России [1].

Несмотря на то, что жанровая система русской литературы переживала в XVII в. существенные изменения, смысл которых состоял в освобождении от связей с церковно-обрядовым и средневековым этикетом, данное произведение состав-

лено в стиле религиозно-нравственного поучения, о чем свидетельствует запись в «Степенной книге»: «Царство государя царя и великого князя Василия Иоанновича Шуйского. Месяца октября в 22 день. Плач о пленении и о конечном разорении превысокого и пресветлейшего Московского государства. В пользу и в поучение слушающим» [1].

Особенность «Плача» состоит в том, что в нем сочетаются похвала и плач, одновременное прославление могущества России и Москвы, и плач по государству, разоренному польско-литовскими интервентами. Неизвестный автор «Плача» делится своими размышлениями о последствиях Смуты, ее причинах, которые он видит в вероломстве внешних врагов, в падении нравов русских людей и стремится показать пути спасения государства. О двойной природе плачей рассуждала Адрианова-Перетц В.П. в своих очерках: «Двойная природа плачей, сплетающих горестную лирику с эпическим рассказом о событиях, породивших ее, и разнообразие тем плачей — были в древнерусской литературе прямым наследием традиции устных плачей, поддержанной в то же время в литературной среде теми образцами книжных плачей, с которыми древнерусский книжник познакомился через библейско-византийскую литературу» [2].

Композиционное построение «Плача» соответствует древнерусской риторической и проповеднической традиции, включающей зачин (вступление), основную часть с последовательным переходом от темы к теме и заключение, включающее обобщение, призыв, пожелание.

Вводная часть «Плача» начинается внезапно с риторического вопроса: «С чего начнем оплакивать, увы! Такое падение преславной, ясныяющей, превеликой России?». Далее автор обращается к аудитории без конкретной адресации к статусу или роду занятий абонентов: «О христоименитые люди, сын света, чада церковные, порожденные банею бытия!» [1]. В данной части автор воспекает в похвальном слове мощь и красоту России: «Всем людям, угодным Христу, известна высота и слава Великой России, каким образом возвысилась и сколь страшна была басурманам, германцам и прочим народам...». Особое внимание он уделяет значению Москвы как богоизбранного города, считая Москву единственным в мире городом, находящимся под покровительством Богородицы: «О Всечистая Богоматерь! Как же твой, высокоименитый и преславно царствующий град Москва, самой земли око, вселенной светлость, увы! угас?». В этой же части похвала переходит в плач о разорении Москвы: «Кто даст голове моей воду и глазам моим источник горьких слез неисчерпаемых, чтобы оплакать дочь нового Сиона — преславноцарствующий наш град Москву, подобно многоскорбящему пророку, который в древности оплакивал беды Иерусалима?» [1].

Основная часть композиции «Плача» имеет цепное построение и начинается с фразы: «Начну же так короткую свою беседу с богоизбранным стадом, со словесными овцами незлобливого пастыря Спаса Христа». Далее автор излагает события последних лет, начиная с появления Лжедмитрия I — самозванца, именовавшего себя царем Дмитрием Ивановичем (1605—1606 гг.), объявивший себя спасшимся от убийц царевичем Дмитрием и заявивший о своих правах на русский престол. Автор представляет его как: «предтечи Антихриста», «сына тьмы», «родича погибели». На протяжении всей основной части автор размышляет не толь-

ко о последствиях Смуты, но о ее причинах, которые он видит в злом коварстве и нападении на Россию внешних врагов, в утрате нравственных устоев русских людей и проявившихся пороках: «...ибо правда в людях оскудела и воцарилась неправда, и всяческая злоба, и ненависть, и безмерное пьянство, и блуд, и ненасытное стяжательство, и ненависть к братьям своим умножилась, ибо оскудела доброта и обнажилась злоба, и покрылись мы ложью» [1].

Особо отметим, что автор указывает на виновность русских царей в произошедших событиях, что свидетельствует о новом явлении в русской религиозно-философской мысли, так как до Смутного времени, царь представлялся Помазанником Божиим. Автор поднимает проблему об ответственности правителей за то, что случилось «над превысочайшею Россиею».

Заключительная часть, также как и вводная, начинается с обращения к аудитории: «О благочестивые, хриstopодражательные, любви исполненные люди!». И далее следует наставление о возврате к истинной вере. В поучении древнерусские летописцы пытались представить модель поведения человека, независимо от его положения: князя или простолюдина. Конырева И.В. также обращает внимание на тенденцию утверждения в плаче общечеловеческих ценностей: «Поскольку плач можно рассматривать как выражение ценностей, обычаев и норм, отражающих коллективную ментальность исторических эпох, то его изучение позволяет выявить определенные тенденции и закономерности в формировании жизненных установок и поведенческих моделей человека и социума» [3].

Специфической особенностью эпидейктической речи является ее заключительная часть, которая заканчивается пожеланиями адресату. «Плач» как торжественная речь также заканчивается пожеланием: «Да будет всему разумному стаду, Великой России православным христианам, во имя Христа мир».

Содержание «Плача» проникнуто патриотическим чувством. Автор высоко оценивает Россию как богоизбранное государство и прославляет Бога и Богородицу за покровительство. Этический пафос в торжественной речи «Плача» предопределяет апелляцию к общим нравственным категориям: «Христианское учение о “душеполезности” плача и покаяния соотносится с осознанием их в художественной культуре, как феноменов “внутренней” жизни, сопряженных с собственно эстетической ценностью горестных эмоций» [4].

Автор выдвигает эмоциональные аргументы к авторитету яркой личности патриарха Гермогена, деятельность которого, была направлена на защиту православия. (Для справки сообщим, что патриарх всея Руси Гермоген (1530—1612 гг.) приобрел среди современников популярность главы («столпа») патриотического движения, несмотря на то, что фактическим организатором его не был. Автор так отзывается о нем: «Непоколебимый же столп благочестия, предивный радатель христианской веры, крепкий твердый алмаз, человеколюбивый отец, премудрый священноначальник, святейший Гермоген патриарх, видя, что люди Божии в Великой России в большом смятении и совсем погибают, много поучал их и наставлял, как поступать» [1].)

Риторический анализ текста «Плача» позволяет предположить, что автор использовал грамоту-воззвание, принадлежащую перу Гермогена, о чем подтверждает приведенная в тексте «Плача» прямая речь от имени Гермогена: «Чада паствы

моей, прислушайтесь к словам моим! Зачем понапрасну впадаете в смятение и вверяете свои души неверным полякам? Возможно ли для вас, разумных овец, приобщение к злощастным волкам: вы кротки во имя Христа, эти же дерзостны во имя сатаны...» [1].

Автор приводит еще пример, иллюстрирующий патриотическое поведение жителей города Смоленска, которые героически держали оборону (1609—1611 гг.) в течение 18 месяцев против двадцатитысячного войска короля Сигизмунда III: «Живущие же во граде Смоленске благочестивые люди решились лучше в мученических страданиях умереть, нежели в лютеранство уклониться, многие от голода погибли и насильственную смерть приняли» [1].

Однако автор «Плача» апеллирует и к аргументам, дискредитирующим личность: «Когда эти губительные волки (имеются в виду поляки. — Прим. авт.) в царствующий град Москву водворились, то не сразу яд злобы своей излили, а, поджидая удобного времени, советовались с предателями христианской веры и врагами Московского государства, с Михаилом Салтыковым да Федькой Андроновым о том, как разорить царствующий град Москву и пролить кровь христианскую».

Наиболее частотные и значимые в сфере торжественного красноречия образительно-выразительные средства: метафора, эпитет, метонимия, лексический повтор, синонимический повтор, градация, анафора, риторические вопросы легко выявить в тексте «Плача».

Одной из значимых стилистических фигур торжественной речи является анафора, которая подчеркивает и выделяет определенные смыслы текста, участвует в передаче авторской эмоционально-оценочных позиций. Зачастую логическая и экспрессивная функции анафоры реализуются совместно. Выразительный потенциал анафоры проявляется в выделении повторяющегося элемента в усиительно-логическом и эмоционально-экспрессивном отношении. Повторение речевого элемента усиливает эффект речевого воздействия на эмоциональное восприятие адресата: «Как не ужаснись, как твоему, Христос, не удивлюсь долго-терпению!.. О небо, как ты не потряслось, и земля не поколебалась, и солнце не померкло, это видя? Как вытерпело, такую увидев всенародную гибель? Как еще не устыдилось такого бедствия и в недрах земных безвестию себя не предало, и все во тьме не оставило, как было в полдень при Спасовом мучении?» [1]. В данном случае анафора выполняет и логическую функцию, здесь повтор позволяет адресату осознать единство достаточно крупных фрагментов текста. Кроме того, экспрессивная функция анафоры связана с контактным структурным типом данной стилистической фигуры и используются совместно с приемом синтаксического параллелизма, что также усиливает выразительный эффект.

Нередко анафора усиливается междометием для выражения авторской эмоции, например, «Ох, увы, горе!». В этом примере возглас «ох» означает сожаление и скорбь.

Риторический вопрос подчеркивает смысл недовольства тем, что приходится говорить об известном. Анафора и риторический вопрос вместе усиливают экспрессивность. Повторение вопроса, на который уже не нужно отвечать, позво-

ляет еще больше ощутить переживание автора: «Какой источник наполнит пучину слез рыдания нашего и стонов? О лукавая злоба, откуда излилась, чтобы покрыть землю?»

Эмоциональное воздействие происходит и через такие риторико-композиционные приемы построения текста, как тропы, с помощью которых достигается образность языка.

Для усиления картинности автор «Плача» использовал эпитеты: «Вот отчего пала превысокая Россия и разрушился столь крепкий столп. Цари, в нем жившие, вместо к Богу возводящей лестницы спасительных слов, кои рождаются от поддерживающихся в книгах истин, приняли...бесовские козни, волшебство и чародейство».

Использование риторических восклицаний усиливает торжественность и значимость речи: «О Христос царь! О Спас и Слово Божие и Боже! Увы! О! О град, которым и в котором преславные возглашались Божии слова, глас великого царя и Бога! О Всечистая Богоматерь!» [1].

Отметим еще одну характерную особенность древнерусского торжественного красноречия: ритмический строй речи. Зачастую ритм в речи настолько отчетлив, что складывается впечатление, что она звучит как стихотворение в прозе. Данный эффект достигается за счет чередования предложений одной и той же синтаксической конструкции: «Итак, перст на уста свои налагаю, в бездну смиренномудрия себя низвергая и свыше ожидая, как и подобает после сокрушения, божественного утешения, о чем Создавший солнце над нами сказал: «Если поражу, снова исцелю» [1].

Риторический анализ «Плача» показал, что в жанрах торжественного красноречия используется тактика единения, которая реализует задачу консолидации слушателей как народ, как нацию: «...подняли потом меч на православных христиан и начали без милости убивать *народ* христианский». Другой пример как призыв к объединению: «Раскройте уши разума вашего и чувств, и составим *сообща* орган словесный, вострубим в трубу плачевную». Местоимение «нашим» выполняет функцию объединения: «Какой источник наполнит пучину слез рыдания *нашего* и стонов? О, какие беды и горести довелось увидеть очам *нашим!*». В «Плаче» как в торжественной речи тактика единения проявляется неоднократно в использовании местоимения «мы», или существительного «братии»: «Кто не ужаснется, услышав о такой скорби и печали *родной* по духу *братии* своей?».

Для того чтобы указать на исключительные свойства природных явлений, автор использует один из самых древних выразительных художественных приемов, основанный на преувеличении — гиперболу: «Затем же — горе, горе! Свершилось огромное несчастье, и многмятежная буря поднялась, *реки крови* пролились!» [1].

Используя троп — олицетворение для воздействия на воображение читателя, автор формирует образную модель России: «Как обрушился такой столп благочестия (имеется в виду российское государство. — Прим. авт.), как разорен был богонасажденный виноградник, ветви которого многолиственной славою до облаков возносились и гроздь спелая всем в сладость неисчерпаемое вино источника?» [1].

Перечисленные приемы и способы построения текста «Плача» были нацелены на создание эмоционального эффекта, воздействие на воображение слушателей, передачу разнообразных оттенков смысла произведения.

ВЫВОДЫ

«Плач» представляет собой художественное произведение, выполненное человеком, владеющим приемами высокого риторического стиля, умением применить тропы и фигуры, а также мастерством ритмической речи. С помощью этих выразительных средств автору удалось создать яркие образы патриотов и врагов.

Для составления данного текста «Плача» необходима была определенная выучка и профессиональное мастерство. Создавая «Плач», автор следовал композиции и высокому стилю поучения, принятым традициям описания религиозных догм. «Плач» начинается и заканчивается традиционными адресатами-обращениями к людям всех сословий.

Отметим, что в «Плаче», в отличие от публицистических произведений периода Смутного времени, отсутствует призыв к борьбе, как например, в грамотах-воззваниях, автор лишь убеждает людей покаяться в греховном падении, искать утешения в молитве и уповать на Божию помощь.

«Плач о пленении и о конечном разорении Московского государства» был услышан в России и получил самое широкое, общерусское распространение. В 1620-е годы он читался по церквям во время ежегодной праздничной службы иконе Казанской Божией Матери» [5].

«Плач» как литературный памятник торжественного красноречия представляет собой образец торжественной речи, обладающий всеми жанровыми признаками и стилистическими приемами, к которым прибегали витии в целях большего эмоционального воздействия на аудиторию. В связи с этим «Плач» был широко популярен в церковных ритуальных церемониях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

- [1] Плач о пленении и конечном разорении Московского Государства / Подготовка текста, перевод и комментарии С.К. Россовецкого. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=10867> (дата обращения: 28.08.2017).
- [2] *Адрианова-Перетц В.П.* Очерки поэтического стиля Древней Руси. Лиро-эпические плачи. Л., 1948. URL: <http://zadocs.ru/literatura/15261/index.html?page=9> (дата обращения: 28.08.2017).
- [3] *Коньрева И.В.* Плач как феномен русской культуры: автореф. дисс. ... канд. культурол. Комсомольск на Амуре: Гос. тех. ун-т, 2003. 24 с.
- [4] *Сквирская Т.З.* Плач и покаяние в древне русских песнопениях: автореф. дисс. ...канд. искусств. СПб., 1993. 24 с.
- [5] Памятники литературы Древней Руси. Конец XVI — начало XVII веков / Предисловие и комментарии С.В. Перевезенцев, подготовка текста А.С. Ермолина. URL: <http://www.portal-slovo.ru/history/39515.php> (дата обращения: 28.08.2017).

© Ильичева В.В., 2017.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 2 октября 2017

Дата принятия к печати: 22 октября 2017

Для цитирования:

Ильичева В.В. Жанровое своеобразие «Плача о пленении и о конечном разорении превысокого и пресветлейшего Московского государства» // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика*. 2017. Т. 22. № 4. С. 567–574. DOI 10.22363/2312-9220-2017-22-4-567-574

Сведения об авторе:

Ильичева Валерия Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры массовых коммуникаций Российского университета дружбы народов. Контактная информация: e-mail: lera_ilyicheva@mail.ru

GENRE FEATURES OF “LAMENT ON THE CAPTURE AND ULTIMATE DESTRUCTION OF THE HIGHEST AND MOST LUCENT OF THE MOSCOW STATE”

V.V. Il'icheva

Peoples Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, Russia, 117198

The article analyzes the compositional structure and genre are determined by the signs of the solemn speech on the basis of the rhetorical works of the unknown author of the XVII century. The study showed that the peculiarity of this literary monument is the combination of two genres of solemn eloquence — the praise and the weeping in one oratorical work. A distinctive feature of “Lament” is the author’s desire not only to state the fact of the ruin of the state, but to introduce its own interpretation of the causes of the events and the way of salvation of the state.

Key words: solemn eloquence, compositional structure, genre features, rhetorical work, lament

REFERENCES

- [1] Lament on the capture and ultimate destruction of the highest and most lucent of the Moscow state. The preparation of the text, translation and commentary by S.K. Rossovich. Access: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=10867>
- [2] Hadrian-Peretz V.P. Essays on the poetic style of Ancient Russia. Lyric-epic laments. Leningrad, 1948. Access: <http://zadocs.ru/literatura/15261/index.html?page=9>
- [3] Konyreva I.V. Crying as a phenomenon of Russian culture: avtoref. diss. ... Cand. cultural. — Komsomolsk on the Amur: State. those. University, 2003.- 24 p.
- [4] Skvirskaya T.Z. Weeping and repentance in ancient Russian chants: avtoref. diss. ... Cand. arts. St. Petersburg, 1993. 24 p.
- [5] Literary monuments of Ancient Russia. The end of XVI — the beginning XVII centuries. Foreword and comments by V. Perevezentsev, preparation of the text by A.S. Ermolina. Access: <http://www.portal-slovo.ru/history/39515.php>

Article history:

Received: 2 October 2017

Revised: 12 October 2017

Accepted: 22 October 2017

For citation:

Ilicheva V.V. (2017). Genre features of “Lament on the capture and ultimate destruction of the highest and most lucent of the Moscow state”. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 22 (4), 567—574. DOI 10.22363/2312-9220-2017-22-4-567-574

Bio Note:

Ilicheva Valeria Vladimirovna, Candidate of Philology, Assistant professor of the Department of Mass Communication, PFUR. *Contacts*: e-mail: lera_ilyicheva@mail.ru